

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОПИСАНИЯ*

Эпохой литературных обществ в России традиционно и обоснованно считается первая треть XIX века: в царствование Александра I они приобретают «значение литературного факта»,¹ становятся «характернейшей <...> формой организации литературной жизни»,² занимают важное место среди «институтов литературы».³ Их возникновение и деятельность оказываются частью более общего процесса формирования разного рода общественных объединений — как создававшихся и поддерживавшихся верховной властью организаций (вроде Библейского общества), так и оппозиционных тайных обществ — широко понимаемого «декабристского движения».⁴ Характерная для эпохи тесная связь полей власти, политики и идеологии с «литературным полем» на фоне его возрастающей автономизации в конце 1810-х — начале 1820-х годов устойчиво вызывала интерес представителей различных методологических школ и научных дисциплин. Разработка этой области исследований была успешно начата культурно-исторической школой, привлекала внимание формалистов и их ближайших учеников и, в отличие от многих других тем, не была исключена из научного поля в более поздние советские годы. Сложившаяся таким образом весьма обширная отечественная историография литературных объединений⁵ при первом знакомстве дает основание предположить,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50274. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50274.

¹ Эйхенбаум Б. М. Предисловие // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 9 (переиздание книги 1929 года).

² Иезуитова Р. В. Литературные объединения и журналы первой четверти XIX в. // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 39.

³ Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. Oxford, 2018. P. 348–351 (Part IV. The Nineteenth Century. 1. Institutions. Male poetic circles: Friendship and Intellectual Networks).

⁴ Именно в таком контексте — как «неотъемлемую часть истории декабризма» — рассматривали литературные общества, «способствовавшие распространению передовых политических и литературно-эстетических взглядов», ортодоксальные советские историки литературы. См., например: Мейлах Б. С. Декабристские литературные организации и органы печати // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. Литература 1820–1830-х годов. С. 21.

⁵ Назовем наиболее значимые публикации, не утратившие своего значения до настоящего времени: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1875. Вып. 7; Коллюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. 1. Кн. 1–2; Срезневская Л. И. Архив Вольного общества любителей российской словесности // Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1904 году. СПб., 1907. С. 225–277; Истрин В. М. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения.

что «эпоха литературных обществ» описана в целом хорошо — прежде всего в фактическом отношении. Однако, как показали работы последних десятилетий, это впечатление обманчиво, а история литературных объединений 1800–1830-х годов требует не только серьезных фактологических разысканий и дополнений, но и существенного расширения контекста их описания. В настоящей работе мы попытаемся систематизировать основные достижения в исследовании литературных обществ, а также проанализировать подходы к их изучению в статьях и монографиях последнего двадцатилетия (неизбежно захватывая и более ранний период) и сопоставить особенности методов, разрабатываемых в разных гуманитарных дисциплинах применительно к литературным и — шире — общественным организациям интересующего нас периода. В центре нашего внимания будут прежде всего институционализованные формы существования литературных сообществ (кружки, литературные общества); менее «формальные» объединения, такие как салоны или домашние светские кружки (часто связанные с «приемными» днями вроде «сред Кукольника»), и работы, им посвященные, будут интересовать нас прежде всего с точки зрения предлагаемых методов описания.

* * *

Важным фактором, определившим направления и характер исследований литературных обществ в 1990–2010-е годы, был не только и не столько богатый эмпирический материал, накопленный в дореволюционной историографии и в работах советского времени, но и сложившиеся концептуальные подходы и историко-литературные нарративы.

С одной стороны, это «советская история литературы», приобретающая наиболее ортодоксальное свое воплощение в 1940-х — начале 1950-х годов и — с некоторыми косметическими усовершенствованиями — поддерживавшаяся в работах 1970–1980-х годов. С точки зрения советского марксизма, все литературные общества преследовали главным образом общественно-политические цели: наиболее «прогрессивные» объединения либо являлись «литературными филиалами тайных обществ» (вроде Вольного общества любителей словесности, наук и художеств или Вольного общества любителей российской словесности), либо предвосхищали их появление (как уже упомянутое ВОЛСНХ, Дружеское литературное общество или отчасти «Арзамас»), в то время как главной целью их противников (прежде всего «Беседы любителей русского слова») были борьба с «прогрессивными тенденциями

1910. № 8. Отд. 2. С. 273–307; Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Императорском Московском университете, 1811–1911. М., 1911; Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны / Ред. и предисловие Б. М. Эйхенбаума. Л., 1929; Арзамас и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой; предисловие Д. Д. Благого. Л., 1933; Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; Десницкий В. А. Из истории литературных обществ начала XIX века // Десницкий В. А. Избр. статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92–191; Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 63); Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964; Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986. Подробную библиографию по истории литературных обществ см.: Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. М.; Пг., 1923. С. 51–59; История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л., 1962. С. 66–70; История русской литературы XIX — начала XX века: Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 292–296; Литературные общества, кружки и салоны в России в XIX веке: список литературы на русском языке за 1828–1993 гг. / Сост. Н. А. Хмелевская // http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2020/NA18391.pdf; дата обращения: 31.10.2020.

общественной жизни» и «пропаганда реакционно-охранительных идей».⁶ Такая идеологическая редукция собственно литературных задач, избирательное использование материала, игнорирование фактов и конструирование мнимых сущностей требовали пересмотра и опровержения, тем более необходимого, что многие выводы «старых» работ, хотя и в менее одиозных формулировках, продолжают некритически использоваться до сих пор.

В борьбе с этой традицией особенно продуктивной и востребованной оказалась концепция литературного быта и «литературной домашности», предложенная в конце 1920-х годов Б. М. Эйхенбаумом и развитая в работах участников его семинара — прежде всего в книге М. И. Аронсона и С. А. Рейсера «Литературные кружки и салоны» (1929). В статье «Литературный быт» и других работах сходной проблематики, вошедших в «Мой временник», Эйхенбаум попытался обосновать включение в (пост)формалистский разговор о литературной эволюции фактов, лежащих вне литературы как таковой, но влияющих как на саму литературу, так и на ее создателей и читателей. Понятие «литературного быта», обобщенно обозначающее ближайшую сферу социального существования литературы (писательские объединения и кружки, редакции периодических изданий, книготорговля и т. д.), подчеркивало тесную связь этого социокультурного ряда с рядом литературным и позволяло избегать прямолинейной каузальности «марксистского» социологизма (ср.: «Литература <...> не порождается фактами других рядов и потому не сводима на них. Отношения между фактами литературного ряда и фактами, лежащими вне его, не могут быть просто причинными, а могут быть только отношениями соответствия, взаимодействия, зависимости или обусловленности»⁷). Установки Эйхенбаума, как известно, вызвавшие скептические оценки в ближнем кругу⁸ и — в силу внешних обстоятельств — не получившие эксплицитного развития после выхода книг Аронсона–Рейсера и Н. Л. Бродского,⁹ снова оказались востребованными уже во второй половине 1970-х — 1980-е годы в свете работ Ю. М. Лотмана о поэтике и семиотике бытового поведения, введивших (хотя и в другой оптике) бытовой материал в сферу филологического изучения, а также под влиянием работ по истории науки и, в частности, русского формализма (начиная с переиздания работ Тынянова — «Пушкин и его современники» (1968) и, в особенности, «Поэтики. Истории литературы. Кино» (1977)).

Характерной чертой нового обращения к литературно-бытовому материалу была его текстоцентричность — в фокусе исследовательского внимания оказывалась литература и конкретные литературные тексты, их связь с ближайшим социокультурным контекстом, а также экспансия, распространение «литературности» на другие «ряды». Показательно в этом смысле определение «литературного быта», декларированное О. А. Проскуриным, одним из ключевых современных исследователей пушкинской эпохи: «...литературный

⁶ Мейлах Б. С. А. С. Шишков и Беседа любителей русского слова // История русской литературы: В 10 т. Т. 5. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. С. 193.

⁷ Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 433.

⁸ См. воспоминания Л. Я. Гинзбург о реакции участников эйхенбаумовского семинара на его концепцию «литературного быта» (Гинзбург Л. Я. Проблема поведения (Б. М. Эйхенбаум) // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 445), а также резкие отзывы В. Б. Шкловского и Ю. Н. Тынянова (Чудакова М. О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 120–123; здесь же см. подробный анализ причин разногласий между старшими формалистами во второй половине 1920-х годов).

⁹ Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и прим. Н. Л. Бродского. М.; Л., 1930.

быт <...> не столько форма воздействия социума на литературу и даже не столько вспомогательный фактор литературной эволюции, сколько канал, через который сама литература воздействует на соседние (а опосредованно — и на более отдаленные) „ряды“ или „социальные практики“: культуру, политику, формы социальной жизни». ¹⁰ В таком понимании литературного быта — семиотическом, а не социологическом ¹¹ — проявились как влияние тартуско-московской школы, так и неприязненная настороженность по отношению к социологизму в любых его проявлениях, неизбежно ассоциировавшемуся у нескольких поколений исследователей с советским академическим официозом. С другой стороны, текстоцентричность новых «литбытовых» штудий подпитывалась, как представляется, и традицией историко-литературного комментария, ставшего в позднесоветское время важной и признанной формой существования идеологически неангажированной филологической науки. ¹²

Применительно к изучению литературных обществ эти пресуппозиции проявились в том числе в выборе предметов и ракурсов исследования: в фокусе внимания оказывались прежде всего дружеские литературные кружки, неформальные творческие объединения и порожденные этой средой и внутри этой среды тексты и бытовые практики. Впрочем, такое предпочтение «домашних» кружков и салонов, принадлежащих сфере частного быта, официальным, регламентированным обществам и объединениям ¹³ проявилось еще в пионерской работе учеников Эйхенбаума. Во вступительной статье к «Литературным кружкам и салонам» М. И. Аронсон так объяснял выбор материала: «Домашние кружки, возникающие свободно и не сдержанные инерцией официального существования, в меньшей степени обязаны посторонним факторам и в большей степени посвящены литературе. Они сами создают литературу, в то время как официальные общества ею питаются»; ¹⁴ «Если кружок поможет нам осветить вопросы литературного производства, то салон осветит нам вопросы литературного потребления». ¹⁵

Важнейшим достижением работ последнего тридцатилетия стало значительное расширение источниковой и фактической базы (что хорошо видно в сопоставлении с тем материалом, который был «смонтирован» в книге Аронсона–Рейсера), введение в научный оборот неизвестных и неучтенных источников — кружковых текстов, эпистолярия и мемуаров участников, что позволило в ряде случаев не только уточнить и дополнить имеющиеся сведения, но и пересмотреть представления о деятельности и роли кружка в ис-

¹⁰ Проскурин О. А. О литературном быте и истории литературы. Вместо предисловия // Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 16. Poleмический и отчасти провокативный характер такого определения «литературного быта» был отмечен в рецензии М. Б. Велижева (Новая русская книга. 2000. № 6. С. 51–54).

¹¹ См. об этом: Зенкин С. Н. Открытие «быта» русскими формалистами // Зенкин С. Н. Работы о теории. М., 2012. С. 323.

¹² Ср. характерную полемику о статусе комментаторских практик, развернувшуюся на XI Лотмановских чтениях (18–20 декабря 2003 года), в живом изложении В. А. Мильчиной (Мильчина В. А. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019. С. 179–182), а также стенограмму круглого стола «Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху» (Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 103–120).

¹³ Ср. типологию, принятую в авторитетном словаре литературных объединений более поздней эпохи: общества (постоянно действующие, «оформленные»), кружки, салоны (Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 7).

¹⁴ Аронсон М. И. Кружки и салоны // Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 48.

тории литературы. В этом ряду следует прежде всего назвать исследования, посвященные «Арзамасскому обществу безвестных людей» (1815–1818)¹⁶ — «модельному» неофициальному кружку, оказавшему, несмотря на краткость своего существования, определяющее влияние на развитие литературной системы,¹⁷ «Дружескому литературному обществу»,¹⁸ «Зеленой лампе»,¹⁹ кружку С. Е. Раича,²⁰ а также и литературным салонам С. Д. Пономаревой²¹ и З. А. Волконской.²²

Так, был существенно пополнен (прежде всего за счет публикации переписки членов «общества безвестных людей») и систематизирован свод текстов, документов и мемуарных свидетельств, относящихся к деятельности «Арзамаса».²³ Обращение к неопубликованным материалам дневников и переписки Андрея Тургенева позволило по-новому показать значение «Дружеского литературного общества», литературных и этических взглядов его участников не только для развития элегической поэтики, но и для жизнестроительных и бытовых практик нескольких поколений русских

¹⁶ Не имея возможности привести исчерпывающий список обширной «арзамасской» библиографии последнего двадцатилетия (см., например, сборники статей по материалам научных конференций, посвященных «Арзамасу»: Литературное общество «Арзамас»: культурный диалог эпох: Материалы междунар. науч. конф. Арзамас, 2005; «Липецкий поток» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей. Липецк, 2006; Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. науч. статей. Арзамас; Нижний Новгород, 2015), назовем наиболее значимые и яркие, на наш взгляд, работы: *Проскурин О. А.* 1) Новый Арзамас — новый Иерусалим. Литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 73–128; 2) Бедная певица: Литературные подтексты арзамасской речи С. С. Уварова // Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 152–187; 3) Когда же Пушкин вступил в Арзамасское общество? (Из заметок к теме «Пушкин и „Арзамас“») // *Toronto Slavic Quarterly*. 2005. № 14; *Вацуро В. Э.* Заметки к теме «Пушкин и „Арзамас“» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 150–160; *Виницкий И. Ю.* Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя» // Там же. 2003. № 61. С. 119–152; *Майофис М. Л.* О тех, кто ехал верхом на галиматъе, и о том, что осталось позади: Опыт персонального анализа арзамасских протоколов // История и повествование. М., 2006. С. 122–162; *Довгий О. Л.* Пушкин и Хвостов в «хвостовской лавке» «Арзамаса» // Поэтика русской литературы. М., 2009. С. 158–183; *Кошелев В. А.* «Запрос Арзамасу»: об одном эксперименте К. Н. Батюшкова // Пушкин и мировая культура. СПб.; Арзамас; Большое Болдино, 2008. С. 20–30; *Виницкий Д. П.* Вяземский, «арзамасский» журнал и русская литература XVIII века: заметки к теме // Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2017. Вып. 8. С. 237–249. О монографии М. Л. Майофис («Воззвание к Европе: Литературное общество „Арзамас“ и российский модернизационный проект 1815–1818 годов» (М., 2008)), внесшей весомый вклад в изучение «Общества безвестных людей», см. подробно далее.

¹⁷ Историко-культурная репутация «Арзамаса», выходящая за пределы собственно академического сообщества, красноречиво проявилась в выборе названия известного просветительского проекта — «Arzamas.academy».

¹⁸ *Зорин А. Л.* У истоков русского германофильства (Андрей Тургенев и Дружеское литературное общество) // Новые безделки. Сб. к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995/1996. С. 7–35; *Дзядко Ф. В.* «За что нам друг от друга отдаляться?» К истории литературных отношений А. Ф. Мерзлякова и В. А. Жуковского: «версия» Мерзлякова // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 112–136; *Cooper D. L.* «Narodnost'» avant la lettre? Andrei Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the national turn in Russian criticism // *Slavic and East European Journal*. 2008. Vol. 52. № 3. P. 351–369.

¹⁹ *Peschio J.* 1) Lighting the Green Lamp: Unpublished and Unknown Poems // *Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations* / Ed. by A. Dinega Gillespie. Madison, 2012. P. 84–111; 2) The Green Lamp: Sexual Banter // *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Madison, 2013. P. 60–67; *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом // *Russian Literature*. 2014. Vol. 76. № 1–2. P. 36–45.

²⁰ *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 523–576.

²¹ *Вацуро В. Э. С. Д. П.* Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989.

²² *Сайкина Н. В.* Московский литературный салон княгини Зинаиды Волконской. М., 2005.

²³ Арзамас: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, А. Л. Ошовата. М., 1994.

романтиков.²⁴ Пересмотр опубликованных источников по истории так называемого «общества Любомудрия» в сопоставлении с богатыми материалами архива М. П. Погодина, относящимися к истории кружка и общества Раича, дал основание заключить, что устоявшееся в историографии понятие «общество Любомудров» оказывается «в значительной степени исследовательским конструктом, аккумулирующим сведения о круге и собраниях московских шеллингианцев», а структура их социальных связей включала несколько объединений (кружок Раича, «архивный кружок» (т. е. объединение молодых чиновников Архива Министерства иностранных дел), затем круг «Московского вестника» и т. д.) и даже в пределах 1822–1827 годов была очень динамичной.²⁵

При этом как для новонайденных, так и для опубликованных ранее, но недооцененных текстов зачастую предлагались виртуозные историко-литературные интерпретации, показывающие влияние кружковой жизни, раскладов сил внутри кружка или салона на собственно литературные тексты, их поэтику, сюжетику и прагматику. Образцовым в этом отношении можно назвать исследование В. Э. Вацуро о салоне Пономаревой,²⁶ в котором из комментариев к текстам из ее альбома, неопубликованному эпистолярно и эгодокументам посетителей ее салона складывается объемный очерк петербургской литературной жизни начала 1820-х годов и яркие характеристики творческой и эмоциональной биографии таких значимых авторов эпохи, как Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, А. Е. Измайлов, О. М. Сомов, В. И. Панаев. Целый ряд «историко-литературных новелл», связанных с историей «Арзамаса» и Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, вошел в книгу О. А. Проскурина «Литературные скандалы пушкинской эпохи», следы арзамасской поэтики и полемики в текстах В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина были убедительно продемонстрированы в работах И. Ю. Виноцкого, Н. Н. Мазур²⁷ и др.

Соотнесенность изучения литературных объединений с проблематикой бытового поведения, восходящая к культурно-семиотическим работам Ю. М. Лотмана, наиболее ярко проявилась в новейших исследованиях, посвященных обществу «Зеленая лампа».²⁸ В серии работ, написанных индивидуально и в соавторстве, Дж. Пешио и И. А. Пильщиков, опираясь в том числе на неопубликованные тексты из архива «Зеленой лампы», показали ориентацию «лампистов» на традицию французского либертинажа, которая наиболее убе-

²⁴ См. прежде всего работы А. Л. Зорина (см. выше, прим. 18), итог которым был подведен в книге: *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

²⁵ *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича. С. 538–539. Аргументация К. Ю. Рогова была принята в ряде авторитетных работ (см., например, монографию В. М. Боковой, где соответствующий раздел назван «Объединения московских шеллингианцев» — *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 157–170, 203), хотя, конечно, пока не смогла преодолеть историографическую инерцию. Ср. также предложенное Н. Н. Мазур обобщающее и условное именование «московские юноши», которое не вызывает ассоциации с каким-то из существовавших объединений московских шеллингианцев и позволяет — при необходимости — обозначать всю эту группу, вне зависимости от принадлежности к конкретному кружку (*Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 54, 91–92).

²⁶ *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры.

²⁷ *Виноцкий И. Ю.* Поэтическая семантика Жуковского, или Рассуждение о вкусе и смысле «Овсяного киселя». С. 119–152; *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5. С. 141–208.

²⁸ См. выше, прим. 19.

дительно объясняет соединение в текстах и быте общества политического вольномыслия с эротическими (в том числе гомоэротическими) фривольностями.²⁹ При этом «Зеленая лампа» рассматривается исследователями как своего рода «школа либертинажа» для молодого Пушкина, в бытовом поведении и художественных текстах которого также обнаруживаются следы либертинской «поэтики».³⁰

Внимание не только к текстам, но и к поэтике пушкинского бытового поведения определило рефлексию над социальным измерением литературного быта. В недавней работе Дж. Пешио предложил выделить три типа «коммуникативных контекстов», в которых мог функционировать литературный текст или бытовой поступок в пушкинскую эпоху: пространство «домашности» (domesticity), «свой» круг, то, что воспринимается как частное (private) пространство — общество (society; высшее, дворянское общество) — официально-государственная сфера (state; пространство службы, бюрократических отношений).³¹ Условное разграничение этих контекстов исследователь использует, чтобы описать такое литературно-бытовое явление, как шалость, — предполагающее намеренно вызывающее перенесение «домашнего поведения» в общественное и/или официальное пространство. Но, как представляется, это разграничение может быть продуктивным для описания деятельности литературных кружков и объединений, которые — в зависимости от типа организации — постоянно находятся в зоне взаимодействия этих сфер.

Такая, в широком смысле социологическая перспектива разработки «литературного быта» и ранее предлагалась в работах о литературных объединениях. В книге «Литература и общество в эпоху Пушкина» У. М. Тодд III,³² по всей видимости, одним из первых применил понятие «институт» к русскому литературно-бытовому материалу: он предложил рассматривать литературу 1800–1830-х годов как общественный институт или, точнее, как систему сосуществовавших и конкурирующих институтов — покровительство, дружеские сообщества (кружки и салоны), литературные альманахи и журналы, профессиональная (коммерческая) литература. Эти институты и подразумеваемые ими социальные функции литературы Тодд описывает, используя модель коммуникации, предложенную в классической статье Р. О. Якобсона, и, соответственно, выделяя для каждого из них *адресата* (автор), *адресанта* (тип читателя), *сообщение* (литературные тексты разных жанров), *контекст* (социальный или идеологический «ориентир» для литературного текста), *код* (язык и стиль), *контакт* (способ презентации сообщения адресанту).³³ В такой перспективе литературный кружок (и в меньшей степени

²⁹ Эта на первый взгляд парадоксальная особенность общества вызывала разноречивые исследовательские интерпретации, располагавшиеся в широком поле между «оргиаческим» обществом (определение П. В. Анненкова) и «побочной управой» Союза благоденствия; краткий обзор полемики вокруг «Зеленой лампы» см.: *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом. Р. 38–44.

³⁰ О следах либертинажа в «Евгении Онегине» см.: *Пильщиков И.* Александр Пушкин между либертинажем и дендизмом. Р. 52–54, 55–58; а также: *Добрицын А. А.* Либертинская модель поведения и язык французского либертинажа в «Евгении Онегине» // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2016. Вып. 32. С. 145–170; *Немировский И. В.* Пушкин — либертен и пророк: Опыт реконструкции публичной биографии. М., 2018.

³¹ *Peschio J.* The Poetics of Impudence and Intimacy in the Age of Pushkin. Р. 16–17.

³² *Todd III W. M.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: Ideology, Institutions, Narrative. Harvard, 1986; рус. пер.: *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина / Пер. с англ. А. Ю. Миролобовой. СПб., 1996. См. также определение институтов литературы, данное в предисловии к новейшей книге: *Тодд III У. М.* Социология литературы: идеология, институты, нарратив. СПб., 2020. С. 8–9.

³³ *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. С. 58–62.

салон) оказывается пространством равной коммуникации, в которой роли автора и читателя «идеально сливаются», а код и контекст задается «обществом», под которым может подразумеваться как «избранное общество», входящее в этот кружок или салон, так и светское общество в целом.³⁴ Для Тодда такое институциональное устройство, демонстрирующее автономность литературы от государства, важно как закрепляющее значимость общества для всех литературных агентов: общество обеспечивает контакт автора и аудитории, язык общества во многом определяет «код», т. е. язык литературных текстов; наконец, жизнь и идеология общества становятся референтным контекстом для художественных произведений, — и все это в совокупности оказывает влияние на поэтику «сообщения», что в книге демонстрируется на примере «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и «Мертвых душ».

Институциональный подход представляется продуктивным не только и, может быть, не столько для описания поэтики, но для изучения социальной роли различных литературных объединений — в их соотношении с другими общественными институтами и с государственной системой, существенно влиявшей на формирование «публичной сферы» в России XIX века. В такой перспективе особый интерес представляют не «частные» кружки и салоны, а «официальные» общества, имеющие регламентированную структуру, гласные принципы членства и в большей мере взаимодействующие с полем власти. В интересующий нас период общества такого типа занимали значимое место в ряду литературных объединений — это и «Беседа любителей русского слова» (1811–1816), и Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ, 1801–1826), и Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС (1816–1825), первоначально называвшееся Обществом сореволюционеров просвещения и благотворения), и Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811–1930), и др.

Эти объединения, разумеется, не были обойдены вниманием исследователей, но их деятельность устойчиво интерпретировалась в идеологических и политических категориях,³⁵ причем часто с опорой на индивидуальные позиции отдельных, пусть и значимых участников обществ. Так в советской историографии закрепились представление о «реакционно-охранительном» характере «Беседы», аргументированное главным образом политическим консерватизмом А. С. Шишкова, и, напротив, революционно-прогрессивная и декабристская репутация ВОЛРС, подтверждавшаяся личным участием К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, Ф. Н. Глинки. Внешнюю убедительность таким толкованиям — в особенности это касается истории ВОЛРС и ВОЛСНХ — придавал богатый фактический материал, собранный в монографических сочинениях В. Г. Базанова³⁶ и В. Н. Орлова,³⁷ однако, как показало новое обращение к архивам этих обществ, отбор источников и фактов производился не менее тенденциозно, чем их интерпретация. «Монументальную» раннюю историю ВОЛСНХ, представавшего, в освещении В. Н. Орлова, ареной борьбы между «радикально-демократическим» крылом «поэтов-радищевцев» и «либеральной» «правой» партией Д. И. Языкова, эффектно и убедительно

³⁴ Там же. С. 67–70.

³⁵ Против такого смешения историко-литературных и политических характеристик применительно к участникам «Беседы» и «младорархайстам» возражал еще Ю. Н. Тынянов в классической статье «Архайсты и Пушкин» (1926) (*Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 25–26).

³⁶ *Базанов В. Г.* 1) Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; 2) Ученая республика. М.; Л., 1964.

³⁷ *Поэты-радищевцы: Вольное общество любителей словесности, наук и художеств* / Ред. и комм. Вл. Орлова; вступ. статьи В. А. Десницкого и Вл. Орлова. Л., 1935 (Библиотека поэта); *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790–1800-х гг. М., 1950.

тельно демифологизировал О. А. Проскурин, опираясь на материалы архива ВОЛСНХ и анализируя собственно литературные взгляды его участников.³⁸ Обращение к ранней истории ВОЛРС, фактически не освещенной в работах В. Г. Базанова, также позволило усомниться как в устоявшихся характеристиках этого периода истории общества, так и в интерпретации его статуса:³⁹ общество, последовательно добивавшееся высочайшего утверждения и стремившееся обрести покровительство министра народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицына, не слишком укладывается в представление о «литературном филиале Союза благоденствия».

Историко-литературные, в том числе «литературно-бытовые» работы об обществах этого типа, выходявшие с 1980-х годов, существенно уточнили понимание их роли в литературном и общественном поле. Деятельность «Беседы любителей русского слова» получила обстоятельное описание в работах М. Г. Альтшуллера (см., прежде всего, его монографию, вышедшую в издательстве «Ardis» в 1984 году и переизданную с дополнениями в 2007-м⁴⁰), тонкий анализ литературных и эстетических установок членов «Беседы» (прежде всего А. С. Шишкова и Державина), специфики их воззрений на значение литературного (со)общества — в перспективе их личных и служебных биографий — представлен в диссертации Е. Э. Ляминой.⁴¹ Благодаря разысканиям О. А. Проскурина⁴² уверенные историко-литературные координаты обрела деятельность Вольного общества любителей словесности, наук и художеств — как на начальном этапе своего существования,⁴³ так и в более поздний период (1811–1813), когда ВОЛСНХ стало местом консолидации антишишковских сил и ареной активной литературной и языковой полемики. В качестве собственно литературной институции в последнее время привлекает внимание и другое Вольное общество — ВОЛРС — в связи с его издательской деятельностью⁴⁴ или ролью Общества в литературной судьбе отдельных его участников.⁴⁵

³⁸ Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 51–57.

³⁹ См.: Бодрова А. С. К институциональной истории Вольного общества любителей российской словесности // Пушкинские чтения в Тарту 6. Тарту, 2019. Вып. 1. Пушкин в кругу современников. С. 253–284.

⁴⁰ Альтшуллер М. Г. 1) Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor, 1984; 2) Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007. В числе новых работ о «Беседе» отметим сборник статей по материалам конференции, посвященной 200-летию общества: «Беседа любителей русского слова». 200 лет: Сб. науч. статей. СПб., 2013.

⁴¹ Лямина Е. Э. Общество «Беседа любителей русского слова»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

⁴² См.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. С. 47–80, 116–151 (главы «„Не худое подражание“: За что Батюшков не был принят в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», «Примерные уроки: Три эпизода полемики о старом и новом слоге в зеркале трех сочинений А. Е. Измайлова»).

⁴³ Важные уточнения предыстории и ранней истории ВОЛСНХ были сделаны в статье А. А. и Т. В. Костиных, посвященной обнаруженному в библиотеке Казанского государственного университета стихотворному сборнику «Праздное время», включающему неизвестные стихотворения А. Г. Волкова и В. В. Попугаева: Костин А. А., Костина Т. В. Стихотворный сборник «Праздное время» (1798): К предыстории Вольного общества любителей словесности, наук и художеств // XVIII век. СПб., 2008. Вып. 25. С. 175–205.

⁴⁴ Иваницкая Е. М. Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в историко-литературном контексте 1820-х гг. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 13 (93). С. 57–65.

⁴⁵ Полякова А. А. Творческая история «Поездки в Ревель» А. А. Бестужева // Русская литература. 2019. № 2. С. 68–78; Мартыненко А. И. Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2020. [Т.] 6. Вып. 2. Пушкинская эпоха. С. 38–51.

Концептуальное изучение деятельности официальных обществ невозможно без расширения источниковой базы — и в этом направлении также были предприняты важные шаги. Подробного описания — в том числе с опорой на архивные материалы — удостоилась деятельность Общества любителей российской словесности при Московском университете, ставшая предметом основательного изучения Р. Н. Клейменовой.⁴⁶ Однако наиболее значительным достижением в этом отношении стала публикация материалов архива ВОЛСНХ, предпринятая А. А. Савельевым, Н. И. Николаевым, А. В. Соколовым в рамках электронного проекта Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета «Вольное общество любителей российской словесности, наук и художеств» (<http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/>).⁴⁷ Благодаря этому проекту в научный оборот был введен обширный корпус протоколов ВОЛСНХ, представляющих своего рода летопись деятельности общества, доступными читателю стали периодические издания ВОЛСНХ (альманах «Свиток муз», журнал «Периодическое издание ВОЛСНХ») и издания сочинений таких его участников, как А. Х. Востоков и М. В. Милонов. Хочется надеяться, что этот публикаторский проект будет продолжен — так, например, в большинстве своем неизвестными в печати остаются внутренние рецензии на тексты, читавшиеся в Обществе и представляющие собой, как справедливо отмечается, «интереснейший источник по одному из ранних периодов формирования русской литературной критики»,⁴⁸ а также многие другие документы из архива Общества, описание которого представлена на сайте.

Размыкание границ историко-литературной и «литбытовой» проблематики, в том числе применительно к истории «официальных» обществ, способствовало активно развивавшееся в 1990–2000-е годы изучение идеологии (прежде всего государственной) как «культурной системы»⁴⁹ и интерес к широкой теме «Литература и государство» — как в идеологической, так и в институциональной перспективе. В связи с этим внимание не только филологов, но и историков привлек целый ряд государственных идеологов, чья деятельность в ранней исследовательской традиции описывалась явно тенденциозно, с опорой на прижизненную репутацию и оценки современников, зачастую утрированные в «либеральной» дореволюционной и советской историографии. Среди таких персонажей — важных участников и/или покровителей литературных обществ — А. С. Шишков,⁵⁰ создатель «Беседы любителей русского слова»

⁴⁶ Клейменова Р. Н. Общество любителей российской словесности, 1811–1930. М., 2002; Пушкин и Общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1999; Гоголь и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 2005; Лев Толстой и общество любителей российской словесности / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 2008. Отметим также важный библиографический справочник: Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности при Московском университете, 1811–1930 / Сост. Р. Н. Клейменова. М., 1981.

⁴⁷ Описание целей и задач проекта см.: Савельев А. А. Архив Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): опыт раскрытия архивного фонда университетской библиотеки // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2003. С. 123–129.

⁴⁸ Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801–1826): историческая и библиографическая справка // <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/istoria.html#strukt>; дата обращения: 31.10.2020.

⁴⁹ Краткий очерк истории изучения и принципов описания идеологии в разных научных парадигмах см.: Зорин А. Л. Литература и идеология // Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 9–30.

⁵⁰ См. прежде всего работы 1980–2000-х годов Б. А. Успенского и В. М. Живова, М. Г. Альтшуллера, О. А. Проскурина, А. Л. Зорина, А. Мартина, В. С. Парсамова, А. Ю. Минакова, включенные в «персональный» библиографический указатель: Александр Семенович Шишков (1754–

и многолетний президент Академии Российской; А. Н. Голицын,⁵¹ почетный член «Беседы», попечитель ВОЛРС, основатель и президент российского Библиейского общества; С. С. Уваров⁵² — член «Старушка» «Арзамасского общества безвестных людей», а также почетный член «Беседы», ВОЛСНХ и ВОЛРС.

В работах, посвященных этим фигурам и другим представителям «русского консерватизма», не только реконструировался европейский и русский генезис и контекст их воззрений, но проявлялась связь между их политическими проектами разного времени и литературной или окололитературной деятельностью, — таким образом, обсуждалась проблематика соотношения государственной политики, общественных институтов (в том числе объединений разных типов) и собственно литературной продукции. Особенно показательной в этом отношении представляется монография М. Л. Майофис,⁵³ в которой на обширном материале было продемонстрировано «политическое измерение» деятельности «Арзамаса», изоморфизм литературных, просветительских и идеологических проектов его участников, для которых «возведение зданий русской словесности и государства воспринималось как единое и общее дело».⁵⁴ Этот пример тем более ярок, что «Арзамас» традиционно трактовался как классический литературный кружок, неформальный, игровой — иными словами, всецело принадлежащий сфере литературного быта, выход за пределы которого в 1817–1818 годах привел к внутреннему расколу и затем к прекращению деятельности общества. При этом ценность «Воззвания к Европе...» не сводится к уточнению или пересмотру истории «Арзамаса»: подробная реконструкция политического, идеологического и общественного контекста второй половины 1810-х годов, предпринятая в книге М. Л. Майофис, заставляет по-новому взглянуть на деятельность других обществ и кружков — и проблематизировать их стратегии в соотношении как с государственными институтами, так и с литературным полем.

Прояснить институциональную специфику литературных объединений помогает их сопоставление с другими общественными организациями и ассоциациями, которые в интересующий нас период отнюдь не сводились к тайным политическим обществам будущих декабристов. В таком широком контексте литературные общества, салоны и кружки рассмотрены в монографии В. М. Боковой,⁵⁵ в которой — вопреки названию — собраны основные сведения не только о тайных обществах (хотя Союзу благоденствия и связанным с ним обществам и объединениям посвящена существенная часть книги), но и о различных ученых и дружеских кружках, благотворительных

1841): Материалы к библиографии / Сост. В. Л. Коровин, А. Н. Стрижев // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 150–209. Из работ последнего времени, в том числе касающихся деятельности Шишкова в «Беседе», см.: Камчатнов А. М. Русский древослов Александра Шишкова: лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб., 2018.

⁵¹ См.: Martin A. *Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I*. DeKalb, Ill., 1997; Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 284–330; Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж, 2014; Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин: Монография. СПб., 2014.

⁵² См.: Виттекер Ц. Х. Граф Уваров и его время. М., 1999; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... С. 339–374; Майофис М. Л. Воззвание к Европе... (по указ.); Майофис М. Л., Велижев М. Б. Уваров Сергей Семенович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 364–369.

⁵³ Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

⁵⁴ Там же. С. 30.

⁵⁵ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

и религиозных объединениях, провинциальных обществах и ассоциациях.⁵⁶ При широком охвате материала установка работы Боковой — в большей степени обзорно-классификаторская («свести воедино максимально большее количество имеющихся сведений об общественных объединениях, по возможности дать их описание или хотя бы зафиксировать факт существования...», «классифицировать общественные объединения, выявить типовые их черты», выделить «внутренние идеологические и организационно-практические тенденции развития объединений»⁵⁷), чем аналитическая и интерпретационная, — и в таком справочном качестве это, пожалуй, наиболее взвешенная и основательная работа из имеющихся на сегодняшний день. Важно, однако, что за рамками рассмотрения в монографии (что оговорено в предисловии) остались масонские ложи, национально-патриотические кружки, а также научные и профессиональные объединения (типа Вольного экономического общества, Общества истории и древностей российских).

Иной институциональный ракурс рассмотрения литературных обществ, как официальных, так и «домашних», был намечен в диссертационном исследовании и восходящих к нему многочисленных публикациях Л. Г. Рогушиной,⁵⁸ которые, несмотря на архаичный методологический язык и излишнее доверие к некоторым советским идеологическим конструктам, ценны новым материалом, в том числе архивным, и самой постановкой задачи. Различные просветительские и благотворительные объединения александровской эпохи рассматриваются как социальные институты («формы организации общественной жизни»), в их отношениях с «правительственными структурами» — иными словами, как форма взаимодействия общества и государства. Описывая прежде всего организационно-структурные особенности различных объединений и характеризуя их отношения с различными институтами власти, Рогушина выделяет три типа обществ: 1) «общества на особых основаниях» (т. е. находившиеся под покровительством монарха или членов императорской семьи и пользовавшиеся государственной финансовой и организационной поддержкой); 2) общества, открывавшиеся на условиях Высочайшего утверждения («вольные», инициативные общества «на самообеспечении», которые, однако, могли также обращаться за протекцией или финансированием к патрону или напрямую к монарху); 3) «неофициальные» общества⁵⁹ — и со-

⁵⁶ Ученые и литературные общества, активно развивавшиеся в различных городах империи (прежде всего университетских) в 1790–1820-е годы, также неоднократно становились предметом изучения в недавней историографии — см., например: *Аристов В. В.* Первое литературное общество Поволжья (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806–1818 гг.). Казань, 1992; *Жиглий Ю. В.* Казанское общество любителей отечественной словесности, 1806–1853 (из истории литературного краеведения): Учебно-методическое пособие для студентов-филологов. Казань, 2012.

⁵⁷ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. С. 5.

⁵⁸ *Рогушина Л. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; ценный материал, в том числе архивный, собранный в диссертации, опубликован — к сожалению, практически без дополнений и изменений, — в коротких статьях в «Герценовских чтениях»: *Рогушина Л. Г.* 1) Некоторые проблемы образования и разработки уставов вольных литературных обществ первой четверти XIX века // Герценовские чтения 2010. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2011. С. 28–35; 2) Вольные литературно-просветительские общества в царствование Александра I: образование, состав, издательская деятельность // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2017. С. 185–204; 3) «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» как типичный представитель либерального литературного общества первой четверти XIX века // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2018. С. 211–222; 4) Вольные общества в первой четверти XIX в. // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2019. С. 61–66.

⁵⁹ *Рогушина Л. Г.* Благотворительные и просветительские общества Санкт-Петербурга в первой четверти XIX века. С. 54–55.

средоточивает свое внимание на первых двух типах. Таким образом, в сфере рассмотрения оказываются «официальные» литературные объединения — «Беседа любителей русского слова», ВОЛСНХ и ВОЛРС — «вольные общества», добившиеся, однако, Высочайшего утверждения. Исследование их организационных особенностей, взаимодействия с различными государственными институтами (Министерством народного просвещения, Комитетом министров, императорским двором) позволило Л. Г. Рогужиной — как и в случае с другими вольными обществами (Санкт-Петербургское ученое фармацевтическое общество, Общество ботанических и естественных наук, Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения Белля и Ланкастера) — прийти к аргументированному заключению о значительно более тесной связи этого социального института с государственной властью и политикой.

Еще один важный контекст, намеченный в работе Рогужиной, — соположение просветительских и благотворительных обществ, тем более оправданное, что многие ученые и литературные объединения (например, ВОЛРС) включали «благотворение» в свою уставную деятельность и способствовали развитию различных филантропических проектов. Разработка этой проблематики представляется перспективной и с точки зрения изучения истории благотворительности, которое активно развивается в последнее время, в том числе на русском материале — ср., например, пионерские работы А. Линденмайер⁶⁰ и обобщающее исследование Г. Н. Ульяновой.⁶¹

Такое расширение контекста позволяет связать материал литературных объединений с более широкой и актуальной социально-исторической проблематикой — определением и описанием «публичной сферы» («public sphere»), истории ее формирования и роли в становлении гражданского общества, институциональным ядром которого Ю. Хабермас и его последователи считают добровольные ассоциации. Эта проблематика, особенно применительно к российской ситуации, вызвала острые дискуссии в исторических, социологических, политологических работах последних десятилетий.⁶² Интерес к истории становления российской «публичной сферы» привел как к росту исследований конкретных институций этого типа, так и к стремлению обобщить специфику имперского опыта общественной жизни,⁶³ отличительной чертой которой было сильное государственное влияние и, как следствие, более активное взаимодействие или даже интеграция многих общественных ассоциаций с государственными структурами. В силу своего промежуточного статуса объединения такого типа — в отличие от «частных» литературных кружков или тайных обществ и, шире, «революционного движения» — до недавнего времени были изучены едва ли не хуже всех, между тем именно они, по мнению авторитетного исследователя этой темы Дж. Брэдли, были одним из тех институтов, который на протяжении всего XIX века и в предреволюционные годы обеспечивал опыт самоорганизации, социального взаимодействия, постановки и решения общественно значимых задач, тем самым способствуя формированию гражданского

⁶⁰ *Lindenmeyr A.* 1) *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity.* Pittsburgh, 1990 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies; № 807); 2) *Poverty is Not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia.* Princeton, 1996.

⁶¹ *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской Империи: XIX — начало XX века. М., 2005.

⁶² Краткое изложение различных точек зрения на понятие «гражданское общество» применительно к истории дореволюционной России см., например: *Bradley J.* *Voluntary Associations in Tsarist Russia.* Cambridge, Mass., 2009. P. 6–8 (в примечаниях к этому разделу см. основную литературу вопроса); *Туманова А. С.* Введение // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. М., 2011. С. 6–9.

⁶³ См. прежде всего коллективную монографию «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.» (М., 2011).

общества.⁶⁴ Брэдли подчеркивает многочисленность и развитость системы общественных организаций в дореволюционной России (согласно его подсчетам, их к началу XX века в России насчитывалось около 10 тысяч⁶⁵), а также на примере ряда добровольных обществ (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, Русское техническое общество) показывает многоаспектность взаимодействия (часто взаимовыгодного) добровольных обществ и государства, их роль в формировании государственной повестки в отношении науки и просвещения и, одновременно, настороженность власти в отношении любых общественных объединений. Существенно, что все эти особенности взаимодействия социальных институтов с институтами власти не являются российской спецификой. Привлекая европейский материал (прежде всего историю научных и просветительских обществ Франции и Германии XVIII–XIX веков), Брэдли демонстрирует, что «сочетание покровительства с подозрительным отношением со стороны властей, система уступок и обязательность правительственного разрешения и регистрации ассоциаций, опасение невинной, на первый взгляд, деятельности как прикрытия для вмешательства в политику» составляли «типичные черты» существования добровольных обществ XVIII–XIX веков по всей Европе.⁶⁶ Работа Брэдли, сочетающая глубокий анализ конкретного материала с широкой контекстуализацией (в том числе европейской) и установкой на историческую институциональную интерпретацию, представляется важным образцом для описания деятельности литературных объединений.

Подобное описание литературных обществ кажется тем более необходимым, что они в меньшей степени привлекали внимание социальных историков. Брэдли в своих работах практически не касается литературных объединений; поверхностно и частично с опорой на устаревшие источники описаны «объединения деятелей литературы и искусства» в обобщающей монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.», причем сделано это только на материале конца XIX — начала XX века.⁶⁷ В свою очередь опора на разработанный в рамках этой дисциплины язык институционального описания позволит встроить историю литературных объединений в историю «публичной сферы», а с другой — даст возможность уйти от идеологически неприемлемого советского социологического языка внутри истории литературы.

Институциональный подход представляется тем более перспективным, что позволяет рассматривать деятельность различных участников литературного процесса как в рамках собственно литературы, так и в их взаимодействии с другими инстанциями — прежде всего с государством и с формирующейся «публичной сферой». Ориентированный на описание социальных взаимодействий, он позволяет анализировать различные связи (литературные, дружеские, служебные и т. д.) внутри общества и за его пределами (взаимодействие институции и отдельных участников с органами государственного управления, цензурой и т. д.). Подобный подход даст возможность комплексно описать разные аспекты деятельности литературных обществ и отразить их соотношение, а также проследить эволюцию этого типа общественных объединений.

⁶⁴ См.: *Bradley J. Voluntary associations in Tsarist Russia*. P. 1–5; русский перевод, с полезной вступительной статьей А. С. Тумановой: *Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество*. М., 2012. С. 25–35.

⁶⁵ *Bradley J. Voluntary associations in Tsarist Russia*. P. 1.

⁶⁶ Цит. по: *Брэдли Д. Общественные организации в царской России*. С. 89.

⁶⁷ См. соответствующий раздел: *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.* С. 432–467.